

0- 782947

На правах рукописи

ГАНЕЕВА ГАЛИЯ ГАЛИЯНОВНА

**ЖЕЛАТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ ГЛАГОЛА
В СОВРЕМЕННОМ БАШКИРСКОМ ЯЗЫКЕ**

**Специальность 10.02.02 – Языки народов
Российской Федерации
(башкирский язык)**

**АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук**

Уфа – 2010

Работа выполнена на кафедре башкирского и общего языкознания ГОУ ВПО «Башкирский государственный университет»

Научный руководитель: доктор филологических наук,
профессор, академик АН РБ
Зайнуллин Марат Валиевич

Официальные оппоненты: доктор филологических наук,
профессор, академик АН РТ
Юсупов Рузаль Абдуллазянович

Кандидат филологических наук,
доцент
Шаяхметов Винер Абдулманович

Ведущая организация: ГОУ ВПО «Стерлитамакская государственная социально-педагогическая академия» имени
З.Биишевой

Защита состоится «7» июня 2010 года в 10.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.013.06 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук при ГОУ ВПО «Башкирский государственный университет» по адресу: 450074, г. Уфа, ул. З.Валиди, 32.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ГОУ ВПО «Башкирский государственный университет».

Автореферат разослан « 6 » мая

Ученый секретарь
диссертационного совета,
доктор филологических наук,
профессор

А.А. Федоров

Общая характеристика работы

Языковая категория желательности в современном башкирском литературном языке и в его диалектах представлена обширным числом единиц. Желательность действия, стремление его осуществить, прежде всего, передается при помощи грамматических аффиксов желательного наклонения. Значение желания в языке выражается также многочисленными специальными конструкциями. Как отмечает проф. М.В.Зайнуллин, средства передачи оптативной модальности (желательности) весьма многочисленны, каждое из них имеет свои специфические грамматические, семантические и функциональные особенности.¹

В семантическом плане рамки желания неограниченны и охватывают разнообразные оттенки: субъективное желание, сильное желание, мечтание, решимость, сомнение, совет, рекомендацию, реальное или ирреальное желания, добрые пожелания, зложелание и самопроклинание. Исходя из этого, функционально-семантический подход к изучению языковых факторов является одной из важнейших проблем современной лингвистики.

Способы выражения желательного наклонения в общем языкознании изучены достаточно полно. На протяжении многих лет исследователями накоплен богатый научный материал. Следует отметить большой вклад выдающихся ученых А.А.Потебни, А.А.Шахматова, В.В.Виноградова, Н.Ю.Шведовой, Н.А.Баскакова, А.М.Щербы, А.Н.Кононова, Э.В.Севортяна, Г.Ф.Благовой, Н.З.Гаджиевой, К.М.Мусаева, К.Ишанова, Е.И.Коркиной, Н.Г.Агазаде, Д.Г.Тумашевой, Ф.Ю.Юсупова и других. Они разработали основные понятия, связанные с определением семантического объема, грамматического статуса и функционального аспекта данной категории как в синхроническом, так и диахроническом планах.

Башкирские языковеды Н.К.Дмитриев, Дж.Г.Киекбаев, А.А.Юлдашев, Н.Х.Ишбулатов, М.Х.Ахтямов, М.В.Зайнуллин в своих работах в той или иной степени проанализировали морфологические и семантические особенности глаголов желательного наклонения. В монографических исследованиях Г.Г.Саитбатталова, Д.С.Тикеева описаны некоторые синтаксические особенности данного наклонения.

Актуальность темы исследования. В работах, посвященных глагольным наклонениям, формы желательного наклонения изучены недостаточно. До сих пор остаются неисследованными грамматические особенности и синтаксические функции отдельных форм желательного наклонения. Поэтому в современной лингвистике проявляется стремление дать более определенную классификацию форм глаголов желательного наклонения, четко очертить границы глаголов и лексических единиц, выражающих значение желания, глубже и полнее раскрыть их функционально-семантические, синтаксические особенности.

¹ Зайнуллин М.В. О сущности и границах языковой категории модальности. – Уфа, 2000. – С. 85.

Диссертационная работа посвящена исследованию желательного наклонения и способов его выражения в современном башкирском языке. В работе рассматриваются основные морфологические, лексические и синтаксические средства выражения оптативной модальности. Таким образом, все это определяет актуальность темы исследования.

Целью диссертационной работы является систематизация, комплексное описание глаголов желательного наклонения и глаголов, выражающих значение желания. Достижение этой цели связано с решением следующих **задач**:

- определить сущность и границы желательного наклонения в современном башкирском языке;
- выяснить семантические особенности оптативной модальности;
- исследовать и систематизировать основные грамматические средства выражения значений желательности;
- определить стилистические особенности глаголов желательного наклонения.

Обозначенные цели и задачи определили **методы исследования** языкового материала. В работе применялись основные лингвистические методы: теоретический, описательный, сравнительный, семантико-стилистический. Частично были использованы элементы этимологического анализа.

Объектом данной диссертационной работы является желательное наклонение в современном башкирском языке.

Предметом исследования являются средства выражения оптативной модальности в современном башкирском языке.

Методологической и теоретической основой исследования послужили положения, разработанные отечественными языковедами, учеными-тюркологами в рамках проблем, посвященных глаголам желательного наклонения. Эти положения нашли отражение в трудах А.А.Шахматова, А.А.Потебни, В.В.Виноградова, А.М.Щербы, Н.Ю.Шведовой, Г.Ф.Благовой, Б.А.Серебрянникова, Н.З.Гаджиевой, А.Н.Кононова, К.М.Мусаева, К.Ишанова, Е.И.Коркиной, Н.К.Дмитрисва, Д.Г.Тумашевой, Ф.Ю.Юсупова, А.А.Олдашева, Дж.Г.Кисбаева, Н.Х.Ишбулатова, М.В.Зайнуллина, Г.Г.Сайтбатталова, Э.Ф.Ишбердина, Д.С.Тикеева и др.

Материалы и источники исследования. Источником фактического материала послужили произведения современной художественной литературы, периодической печати, образцы устного народного творчества.

Научная новизна диссертации заключается в том, что она представляет собой первый опыт комплексного исследования средств выражения оптативной модальности. Впервые системно проанализированы лексико-семантические группы категории желания в современном башкирском языке. Особое внимание уделяется определению морфологических и синтаксических особенностей глаголов желательного наклонения и глаголов, выражающих значение желания. Подробно рассматриваются значения желания в контекстуальном аспекте.

Теоретическая значимость диссертации обуславливается тем, что в ней обобщается научная литература по теме исследования, систематизируется и описывается значительный языковой материал. На основе анализа раскрывается морфологическая и семантическая природа глаголов желания. Такое исследование может быть использовано при изучении теоретических вопросов общей грамматики, а также для более глубокого исследования других наклонений глагола в современном литературном языке.

Практическая ценность заключается в том, что результаты исследования могут быть использованы при составлении программ, учебно-методических пособий, а также в разработке лекционных курсов; фактический материал – на практических занятиях по курсам «Современный башкирский язык», «Практикум башкирского языка»; материалы диссертации могут стать основой для спецкурса.

На защиту выносятся следующие положения:

1. В современном башкирском языке значение желания передается грамматическими формами желательного наклонения, а также аналитическими формами и конструкциями глагола.

2. Каждая форма оптативной модальности содержит разнообразные оттенки желания.

3. Синтаксические функции глаголов желательного наклонения и глаголов, выражающих значение желания, определяются их морфологическими и семантическими особенностями.

Апробация результатов работы. Работа обсуждалась на заседаниях кафедры башкирского и общего языкознания факультета башкирской филологии и журналистики ГОУ ВПО «Башкирский государственный университет», кафедры башкирской, татарской и марийской филологии ГОУ ВПО «Бирская государственная социально-педагогическая академия». Основные положения и результаты исследования излагались на Всероссийских и республиканских научно-практических конференциях. Основные положения этих докладов и сообщений получили освещение в 13 статьях, одна из которых напечатана в журнале «Вестник БашГУ» № 4 (Уфа, 2008), рекомендованном ВАК.

Структура диссертации. Исследование состоит из введения, трех глав, заключения и библиографии.

Основное содержание диссертации

Во введении обосновывается актуальность исследования, определяются цели и формулируются основные задачи работы, раскрывается научная новизна исследования, выявляется теоретическая и практическая значимость работы, даются основные положения, выносимые на защиту, а также характеризуются научные методы, использованные в процессе изучения материала.

В первой главе диссертации «История изучения глаголов желательного наклонения в общем языкознании» дается понятие категории наклонения, история изучения глаголов желательного наклонения в общей лингвистике и анализируются основные взгляды ученых на данную категорию. Глава включает в себя три раздела: 1) понятие о категории наклонения и вопросы желательного наклонения в русской лингвистике; 2) уровень изучения глаголов желательного наклонения в тюркологии; 3) проблемы исследования глаголов желательного наклонения в современном башкирском языкознании.

Первый раздел главы посвящен обобщению исследований лингвистов, занимающихся изучением глаголов и, в частности, категории наклонения в русском языке.

В русской лингвистике необходимо различать морфологическое и синтаксическое наклонения. Термин «синтаксическое желательное наклонение» введен еще с середины XIX века. Но впервые оно изучается проф. А.А.Шахматовым. Он разрушает традиционное изучение о трех наклонениях русского глагола и выделяет шесть (в сущности, семь) наклонений: изъявительное, повелительное, сослагательное (условное и желательное), действительное, предположительное и потенциальное, каждое из которых выражает разнообразные значения. А.А. Шахматов также противопоставляет морфологическое наклонение синтаксическому как тому словесному способу, «которым вообще может быть выражено чувство связи между субъектом и предикатом в формах глагола»². Таким образом, в морфологическом сослагательном наклонении он видит способность выражать два синтаксических наклонения: условное и желательное³.

Проф. А.А.Потебня категорию наклонения глагола изучает с исторической точки зрения. Он выделяет всего четыре наклонения: изъявительное, повелительное, условно-желательное и сослагательное. Таким образом, А.Потебня определяет приемы и принципы образования «идеальных» (к ним он относит условное, сослагательное и желательное) наклонений на основе распада системы старых прошедших времен глагола. Здесь древнейшим про-

² Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. – Л., 1941. – С. 481.

³ Там же. – С. 484.

цессом является переход аориста *быхъ* (*бы*) к значению условному и желательному⁴.

Академик В.В.Виноградов рассматривает систему образования и средства выражения этих наклонений. Характеризует употребление форм повелительного наклонения и инфинитива с модальным значением желательности⁵.

Н.Ю.Шведова, анализируя синтаксическое наклонение русского языка, приходит к следующему выводу: «Желательное наклонение является одной из грамматических форм предложения. Говорящий, пользуясь этой формой, совмещает с ее грамматическим значением свое ярко выраженное субъективное отношение к сообщаемому. Однако это не может опровергнуть факта, что желательное значение формализовано и что форма эта занимает свое вполне определенное место в синтаксической парадигме предложения»⁶.

В современном русском языке глагол имеет три наклонения: изъявительное, повелительное и сослагательное. Значение желания реализует форма сослагательного наклонения, сущность которого определяется только в синтаксическом аспекте⁷.

Таким образом, в современном русском языке самостоятельное морфологически выраженное желательное наклонение не выделяется. Оно существует только на правах синтаксического наклонения.

Второй раздел главы «**Уровень изучения глаголов желательного наклонения в тюркологии**» посвящен обобщению исследований в области категории наклонения в тюркских языках. В тюркологии глаголы желательного наклонения рассматриваются в монографических трудах А.Н.Кононова, Н.З.Гаджиевой, К.М.Мусаева, К.Ишанова, Е.И.Коркиной, Н.Г.Агазаде, М.З.Закиева, В.Н.Хангильдина, Д.Г.Тумашевой, Ф.Ю.Юсупова и мн. др.

Во всех тюркских языках основным формантом желательного наклонения являются аффиксы *-ай/-эй* или *-гай/-гэй*. По мнению проф.Н.А.Баскакова, форма на *-ай/-эй* является фонетически видоизмененным вариантом причастия на *-гай/-гэй*⁸.

А.М.Щербак не видит достаточных оснований рассматривать аффикс *-ай* как фонетическую разновидность аффикса *-гай*. Свое мнение он обосновывает тем, что выпадение *-г* перед гласными происходило, главным образом, в языках огузской группы. Кроме того, примечательно и параллельное употребление формы на *-гай* и формы на *-ай* во многих тюркских языках. А.М.Щербак обращает внимание также на семантическое своеобразие формы

⁴ Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. IV том. Выпуск 2. Глагол. – М.: «Прогресс», 1977. – С. 269.

⁵ Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). – М.: Изд-во «Высшая школа», 1972. – С. 470-476.

⁶ Шведова Н.Ю. Синтаксическое желательное наклонение // Современные проблемы литературоведения и языкознания. – М., 1974. – С. 466.

⁷ Грамматика современного русского литературного языка. – М.: «Наука», 1970. – С. 356.

⁸ Баскаков Н.А. Каракалпакский язык. Фонетика и морфология. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1952. – С. 445-450.

на *-гай*, по сравнению с формой на *-ай*. Таким образом, он приходит к выводу, что общетюркская форма желательного наклонения, образуемая при помощи аффикса *-а(й)*, восходит к древнему имени действия на *-а*, генетически не связанному с именем действия на *-га(й)*⁹. Наше исследование, подтверждая концепцию проф. А.Щербак, обосновывает еще один факт: если форма на *-ай/-эй* в самостоятельном употреблении выражает различные оттенки желания и активно сочетается с модальными словами, частицами, придающими соответствующие семантические оттенки всему предложению, то форма на *-гай* в самостоятельном употреблении не выражает данной семантики, реализуя ее лишь в контексте.

По мнению проф. А.Н.Кононова, в современном узбекском языке глаголы желательного наклонения имеют два аффикса: 1) *-ай: ёз-ай-(ин)* "*напишу-ка (я)*"; 2) *-гай: ёз-гай-(ман)* "*напишу-ка (я)*"¹⁰.

Г.Н.Зириллаев считает, что при изучении системы условно-желательного наклонения в узбекском языке методом компонентного анализа, в сочетании с контекстуальным, можно определить модальное значение глагола. Лишь в контексте формы на *-са, -са эди, -етса, -ган булса, -етган булса* дают соответствующее значение¹¹.

Формы желательного наклонения и свойственные им семантические особенности в той или иной степени описываются в грамматиках ногайского, караимского, азербайджанского, туркменского, казахского, карачаево-балкарского языков.

В современном татарском языке весьма интересные факты приводит проф. В.Н.Хангильдин. Он не признает синтетических форм желательного наклонения. По его мнению, значение желания передается глаголами повелительного наклонения на *-айым/-эйем*¹².

Проф. Ф.Ю.Юсупов рассматривает употребление форм глаголов желательного наклонения в диалектах татарского языка. В своих монографиях он также анализирует некоторые семантические особенности глаголов желательного наклонения¹³.

Желательное наклонение глагола и выражение желания другими формами глаголов наиболее полно изучены проф. Д.Г.Тумашевой¹⁴.

⁹ Щербак А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (Глагол). – Л.: «Наука», 1981. – С. 52-57.

¹⁰ Кононов А.Н. Грамматика современного узбекского литературного языка. – М. - Л., 1960. – С. 234-236.

¹¹ Зириллаев Г.Н. Система форм условно-желательного наклонения в узбекском языке // Советская тюркология. – 1983, № 6. – С. 52-58.

¹² Хангильдин В.Н. Татар теле грамматикасы. – Казан, 1959. – С. 227- 229.

¹³ Юсупов Ф.Ю. Изучение татарского глагола. – Казань, 1986. – 287 с.; Его же. Неличные формы глагола в диалектах татарского языка. – Казань, 1985. – 320 с.

¹⁴ Тумашева Д.Г. Татарский глагол (Опыт функционально-семантического исследования грамматических категорий). – Казань, 1986. – С. 112-117.

В третьем разделе «Проблемы исследования глаголов желательного наклонения в башкирском языкознании» предлагается обзор соответствующей лингвистической литературы, в котором приводятся различные взгляды ученых на определение и содержание категории желательного наклонения в башкирском языке.

Проблема категории наклонения в башкирском языке освещается в трудах проф. Н.К.Дмитриева. Он определяет желательное наклонение следующим образом: «Говорящий не столько излагает факт, сколько передает свое субъективное отношение и притом к такому факту, который по существу еще не произошел, а только может произойти»¹⁵.

Проф. Дж.Г.Киекбаев, подразделяя глаголы желательного наклонения на несколько семантических групп, выделяет простые (синтетические) и сложные (аналитические) формы¹⁶.

Проф. М.Х.Ахтямов выделяет две формы желательного наклонения: 1) *-айым/-айем: барайым (әле), эшләйем (әле)*; 2) *-ғы/-ге килә. барғы килә, эшләге килә*¹⁷.

Многочисленные морфологические формы глаголов желательного наклонения, их значения и эмоционально-экспрессивные оттенки описываются в монографии проф. Н.Х.Ишбулатова «Современный башкирский литературный язык и его диалекты»¹⁸. Однако, доминирующую морфологическую форму желательного наклонения на *-ай* он рассматривает в рамках системы повелительного наклонения.

Проф. М.В.Зайнуллин впервые в башкирском языкознании приводит в единую систему средства выражения модальности. Категорию модальности в башкирском языке он связывает, прежде всего, с грамматической категорией наклонения и включает в круг модальных средств некоторые аналитические глаголы, модальные слова и словосочетания, интонацию, особые конструкции предложения. По мнению М.В.Зайнуллина, основной грамматализованной формой выражения оптативной модальности является желательное наклонение, которое образуется посредством аффикса *-ай/-эй,-й*.¹⁹ Кроме того, в монографии «Современный башкирский литературный язык» автор выделяет еще одну аналитическую форму желательного наклонения, которая образуется при помощи основы на *-ғы/-ге* и вспомогательного глагола *килә*²⁰. Помимо этого, в указанных работах определяют

¹⁵ Дмитриев Н.К. Грамматика башкирского языка. – М.: Наука, Уфа: ГУП РБ «Уфимский полиграфкомбинат», 2007. – С. 139.

¹⁶ Кейекбаев Ж.Ф. Хәзерге башкорт теле. – Өфө, 1966. – 117-се бит.

¹⁷ Эхтәмөв М.Х. Хәзерге башкорт теле. – Өфө, 1979. – 39-сы бит.

¹⁸ Ишбулатов Н.Х. Башкорт теле һәм уның диалектары. – Өфө: Китап, 2000. – 104-се бит.

¹⁹ Зайнуллин М.В. Модальность как функционально-семантическая категория. – Саратов, 1986. – С. 86-94.

²⁰ Зайнуллин М.В. Хәзерге башкорт әзәби теле. Морфология. – Өфө: Китап, 2005. – 122-123-се биттәр.

ся различные оттенки желания, которые передаются многочисленными аналитическими конструкциями.

Таким образом, состав форм глаголов желательного наклонения определяется в тюркологии неоднозначно. Некоторые ученые утверждают, что основными формантами желательного наклонения являются окончания *-ай/-эй* или *-гай/-гэй*, другие выделяют и аналитические формы глагола на *-гы/-ге(-асы/-эсе)* *кил, -са/-са эди, макчы/-макче ине* и др.

Вторая глава «Функционально-семантические особенности глаголов желательного наклонения; выражение значения желания другими формами глаголов» содержит три раздела. В первом из них рассматриваются морфологические и семантические особенности глаголов желательного наклонения.

Доминирующая синтетическая форма желательного наклонения в башкирском языке образуется при помощи аффикса *-ай/-эй*, который известен еще с периода древнетюркской письменности. Он обозначает субъективное желание говорящего и употребляется только в форме 1-го лица единственного или множественного числа.

Во множественном числе форма выражает желание говорящего совместно совершить действие, призыв, приглашение к совместному выполнению. В отрицательной форме выражается призыв, предложение не совершать действия. Для усиления обозначенных оттенков данная форма употребляется с частицами, модальными словами, которые, в свою очередь, придают различные оттенки всему предложению. В некоторых говорах южного диалекта данная форма может осложняться аффиксом множественного числа. Такой вариант употребляется для выражения учтивости, убедительной просьбы, настойчивого побуждения к выполнению действия. Например: *Бер туғандай татыу ғына // Йәшәйектәр һәр ваҡыт* ("Ауыл уттары" 6 ғынаур. 2007, №2).

В целом, форма желательного наклонения на *-ай/-эй* выражает следующие значения: желание, побуждение говорящего: *Ғүмергә бер килгән ошо көндә донъя мәшәкәттәрән куйып торайык әле, Йәннәт. (М.Кәрим)*; намерение, решимость говорящего совершить действия в ближайшем будущем: *Әйзә, мулла мырза, башлайык, кояш байымаҫ борон йолаһын үткәрәйек (Ғ.Хисамов)*; неуверенность, сомнение говорящего: *Атай, Йүрүзән ярында тукталып китмәйекме? (Я.Хамматов)*; самопроклинание говорящего: *Теге донъяла суска булып кубылайым да, йылан-дан сағылайым (С.Агиш).*

Таким образом, в современном башкирском языке глагол желательного наклонения имеет лишь одно морфологическое средство выражения: окончание 1-го лица *-айым/-әйем* в единственном и *-айың/-әйек* во множественном числе.

Второй раздел главы посвящен анализу глаголов, выражающих значение желания в современном башкирском языке. На основе примеров из

языка современной художественной литературы рассмотрены контекстуальные средства выражения оптативной модальности и их функционально-семантические особенности.

Действительно, в современной лингвистике многие формы глагольного наклонения могут употребляться в несобственном значении. По этому поводу академик В.В.Виноградов пишет: «Изучение всего многообразия лексико-грамматических выражений модальности – основная задача синтаксиса предложения. Но, кроме того, расширяются и морфологические возможности переносного употребления самих глагольных наклонений».²¹ Таким образом, в речи нередко наблюдается употребление форм того или иного наклонения в значении желания. Такое переносное употребление форм наклонений в языке можно обозначить термином «синтаксическое наклонение».

В современном башкирском языке семантику желания, в первую очередь, выражают глаголы условного наклонения. Как известно, собственное значение условного наклонения – потенциальное действие, служащее условием совершения действия, выраженного другим глаголом. В простых предложениях формант *-һа* употребляется без глагола следствия и выражает различные оттенки желания. В таком случае предложение имеет соответствующую интонацию в сочетании с различными модальными словами. Например: *Эх, улы элек тә Рауза менән шулай һейләшкән булһа!* (Т.Фарипова).

По мнению большинства тюркологов, этимология аффикса условного наклонения *-са (-сар)* связана именно с оптативом, то есть окончание *-сар* в древнетюркских языках выражало «желание» и «мечтание» говорящего. Доказательством этого служит и факт, что многие аналитические формы желательности передаются сочетанием окончания условного наклонения со вспомогательными глаголами *ине, икән, ярап ине*, частицей *-сыл/-се*.

Употребление условных форм в несобственном значении наблюдается в сочетании с частицей *-сыл/-се*, которая выражает значение страстного пожелания ирреального характера: *Берәр йылға ишараты, күнел өсөн берәй кыуак осраһасы* (М.Әбсәләмов).

Форма изменяется по лицам и числам. Окончание лица находится после основы глагола перед частицей: *уҡыһамсы, уҡыһансы, уҡыһаксы, уҡыһағызсы, уҡыһаларсы*.

В современном башкирском языке глагол условного наклонения в употреблении со вспомогательным глаголом *ине* или *икән* передает мечтание, несбыточное желание говорящего: *Эй, мин дә Шәүрә кеүек шулай кыйыу булһам ине*. (З.Бишиева). Кроме этого основного значения, форма 1-го лица может выражать самопроклинание говорящего: *Уның йөзөн күргәнсе һуҡыр булһам ине, һүзәрән ишеткәнсе һаңғырау булһам ине!* (И.Июмағолов). При обращении ко 2-му лицу данная форма приобретает значение совета: *Һеҙ мине башҡорт дивизияһына ебәрһегеҙ ине* (М.Кәрим).

²¹ Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). – М: Изд-во «Высшая школа», 1972. – С. 475.

Если аналитическая конструкция типа *уҡыһа ине, килһа ине* самостоятельно выражает семантику сильного желания или мечту, то в сложно-подчиненных предложениях одновременно выражаются два значения: условие и желание. *Үҙәңдән-үҙең касып булһа ине, мин ошо минутта ҡыҙҙеңде ташлап касыр инем, хушлашып та тормаһың иҫкәңгә йүгерер инем* (М.Нәрим).

Вместо вспомогательного глагола *ине* в предложении может быть употреблено модальное слово *икән*. Несмотря на совпадение семантики, последнее чаще всего употребляется в поэтических произведениях.

Хотя форма на *-һа/-һә ине (икән)* изменяется по всем лицам единственного и множественного числа, значение желания сводится только к говорящему субъекту.

В современном башкирском языке аналитическая конструкция на *-һа/-һә ярар ине* имеет значение субъективного желания с оттенком опасения и сомнения: *Бып донъялар тизерәк тынысланһа ярар ине* (Ф.Акбулатова). Отрицательная форма данной конструкции в особых контекстуальных условиях выражает невежливость говорящего субъекта. Например: *Мин әбейҙәрҙәй булып, бала карап ултырмаһам ярар ине* (Һ.Дәүләтшина).

Что касается грамматических категорий, то форма изменяется только по лицам и числам. Личные окончания присоединяются к основе глагола: *эшләһәм ярар ине, эшләһәң ярар ине, эшләһәң ярар ине, эшләһәгеҙ ярар ине*. В разговорной речи вместо вспомогательного глагола *ине* употребляется предлог *за*.

В современном башкирском языке глаголы повелительного наклонения могут выражать значение желания. Это объясняется тем, что глаголам повелительного наклонения характерна высокая эмоциональность. Например, в составе таких словосочетаний, как *алла үзе һаҡлаһын!* «пусть сам бог бережет!», *игелеген куһ!* «пользуйся на здоровье!» глаголы имеют аффиксы повелительного наклонения, но они, прежде всего, выражают значение доброго пожелания. В разговорной речи они активно употребляются в противоположном значении. Семантика злостного и доброго пожелания характерна и для глаголов с окончанием *-ғыры/-гере*. Но для того, чтобы признать эти формы абсолютными синонимами, глаголу повелительного наклонения требуется более эмоциональное выражение.

Глагол повелительного наклонения во 2-ом лице единственного и множественного числа имеет значение совета. Данная семантика особенно характерна для поговорок и пословиц. Форма 3-го лица повелительного наклонения выражает совет в адрес обобщенного лица. Значение тревожности и предупреждения реализуется в случае присоединения к основе глагола аффикса *-ма/-мә* в сочетании со вспомогательным глаголом *инде*: *Тик балаларға ғына каты булмаһын инде* (З.Биишева).

Формы глагола повелительного наклонения 2-го и 3-го лица в сочетании с неспрягаемым вспомогательным глаголом *ине* передают сильное же-

ление говорящего. Кроме этого основного значения, форма на *-һын/-һен* и *е* передает семантику несбыточной мечты.

В современной лингвистике частица *-һана/ -һәна* определяется как вежливая форма повелительного наклонения. В семантическом плане повелительное и желательное наклонения глагола тесно взаимосвязаны, и на этом основании можно сделать вывод, что частица *-һәна* выражает не только и императивную модальность, но в особых контекстуальных случаях может передавать значение мольбы с оттенком мечтания, сильного желания. В таких предложениях, совместно с частицей *-һәна*, могут употребляться и другие формы оптативной модальности.

В определенных контекстуальных условиях значение желания выражается глаголами изъявительного наклонения. Возможность выражения значения желания глаголами изъявительного наклонения связана с тем, что будущее время этого наклонения обозначает реальный процесс, который будет происходить после момента речи. И формы глаголов реального и ирреального желания обозначают отнесенность действия к плану будущего. Но, в отличие от неопределенного будущего времени изъявительного наклонения, обозначающего цель совершения действия в будущем, желательное наклонение выражает желание, признание, чувство необходимости совершения некоторого действия безотносительно к тому, будет оно совершено или нет. Для передачи оптативной модальности глагол изъявительного наклонения употребляется в сочетании с вопросительными местоимениями *нисек* «как», *касан* «когда». В этом случае глагол приобретает значение несбыточного мечтания или возможности осуществления желания только в далеком будущем. Например: *Тормоштағы оло апайым кеүек, касан иркенерәк тормошқа тейенербез инде (Ф.Хәсәйенов). Эй хозайым! Касан камаузан котолоп Һызыл армия частарына кушылалар инде (Ә. Әминев).*

В сочетании с модальными частицами *әйзә* «дай», «дайте», *әйзәгәз* «давай», «давайте» глаголы изъявительного наклонения 1-го лица единственного и множественного числа настоящего времени обозначают желание говорящего, его призыв к совместному совершению действия.

В переносном значении форм наклонений также большую роль играет эмотивная лексика башкирского языка. Например, слова типа *теләйем* (хочу), *хыялланам* (мечтаю), *ашкынам* (стремлюсь, желаю) не только указывают на реальное действие, но и выражают мечтание, желание говорящего. Профессор Дж.Г. Киекбаев аналитическую форму глагола *-ырға /-ергә телә-* рассматривает как одну из форм желательного наклонения²².

В современной грамматике башкирского литературного языка конструкция *-ыр /-ер ине* известна как первая форма сослагательного наклонения. Данная конструкция также употребляется для выражения давнопрошедшего времени глаголов изъявительного наклонения. Кроме этих значений, *-ыр /-ер ине* может передавать и другие модальные значения: желание, мечту гово-

²² Киекбаев Ж.Ф. Хәзерге башкорт теле. – Өфө, 1966. – 117-се бит.

рящего, совет и т.д. Различные оттенки оптатива, прежде всего, наблюдаются в простых повествовательных предложениях, т.е. вне сочетания с формой условного наклонения. Например: *Йәшелсаһен, емешен үстәрәп һатып кына колхозды серегән байға әйләндерер ине ул (Т.Ғарипова)*. Форма *-ыр/-ер ине*, употребляясь в 1-м лице, выражает желание, намерение самого говорящего, а во 2-м лице передает значение совета.

Значение ирреального желания, мечта говорящего выражается формой сослагательного наклонения и в сложносочиненных предложениях. Для того, чтобы исполнилось желание, должно осуществиться неосуществимое условие. Поэтому в таких предложениях одновременно выражаются и желание, и предположение. Если главное место в предложении принадлежит оптативной модальности, то оно имеет особую эмоциональную интонацию. Например: *Эй-й, һеңлем булһамы, мин уны күтәрәп кенә йөрөтөр инем. Бер ҙә йыҡмас инем, Морат кеүек (М.Кәрим)*.

Самая распространенная аналитическая конструкция, образованная сочетанием архаичного имени действия на *-ғы/-ге* со вспомогательным глаголом *кил*, выражает произвольное желание субъекта совершить какое-либо действие. Рассматриваемая конструкция значительно отличается от других аналитических форм. Она изменяется по всем трем лицам единственного и множественного числа и имеет все временные формы изъявительного наклонения. Говорящий субъект, употребляя форму прошедшего времени, сообщает не только личное желание, но и желание других лиц, причем желание уже совершенное и в данное время, возможно, нежелательное. Такое семантическое свойство сближает форму с индикативной модальностью.

Другой характерной чертой оборота типа *уҡығым килә* является то, что вспомогательный глагол может иметь окончания условного, сослагательного и повелительного наклонений, а также аффиксы неличных форм глаголов. Эти морфемы следуют, как правило, за вспомогательным глаголом. Таким образом, все перечисленные свойства дают возможность истолковывать форму на *-ғы/-ге килә* как особую форму модальности.

Для выражения только оптативной модальности конструкция приобретает форму настоящего или будущего времени. При отсутствии субъекта действия, форма используется без аффиксов принадлежности. В предложении, как правило, употребляется с модальными частицами и произносится с восклицательной интонацией.

В современном башкирском языке с тем же модальным значением функционирует аналитическая конструкция на *-аһы/-әһе килә*. Форма широко употребляется в башкирском литературном языке и в его диалектах. Талантливые писатели, параллельно используя такие морфологические синонимы, смогли показать богатство грамматических категорий и гибкость литературного языка: *Эшсе халкының, полчкаға ғына күз терәп торғас алданаһы килмәй, эшләгән эшенең хаҡын тейешенсә алғыһы килә (Ж.Кейекбаев)*.

Кроме спрягаемых форм глаголов оптативной модальности, функционируют и неспрягаемые формы. При независимом употреблении причастие на **-аһы/-әһе** выступает в позиции сказуемого и выражает различные оттенки модальных значений. Одно из них – значение желания совершения действия – выражается в сочетании с модальными словами **ине, икән**. Данная неопределенно-личная форма отличается богатой семантикой. Во-первых, выражает сильное желание неосуществимого мечтания: *Батшалар йәшәгән кала матурзыр, әлбиттә, кайһы рәүешле булһын ул тағы! Шуларҙы күрәһе, шунда йәшәйһе ине* (Б.Ноғоманов). Во-вторых, выражает намерение, решимость лица совершить действие в плане будущего, реже – настоящего времени: *Хәҙергә мәҙрәсәлә күберәген дин уҡыталар бит, шул дин дәртәрен азайтып, йә бөтөнләй бөтөрөп, күберәк фән уҡытаһы ине бына* (Ж.Ф.Кейекбаев).

В сочетании со вспомогательным словом **икән**, форма на **-аһы/-әһе** выражает не только сильное желание с оттенком несбыточного мечтания, но и запоздалый совет, рекомендацию к совершению действия. В отдельных контекстуальных случаях конструкция выражает значение предположительной возможности совершения действия.

В сочетании с частицами **да/дә, та/тә, ҙа/ҙә, ла/лә**, модальным словом **бит** передается значение сожаления, раскаяния в совершенном или несовершенном действии в прошлом. Данная семантика ясно выражается при помощи вспомогательного глагола **бул**. Например: *Был юлы уларға инеп сығаһы булған икән* (З.Бишшева).

Инфинитив, в зависимости от контекста, реализует различные модальные отношения: императивное, волитивное, потенциальное (модальность возможности). Значение оптативной модальности выражается как самостоятельным употреблением глагола на **-ырға/-ерға**, так и аналитической конструкцией, образованной сочетанием инфинитива со вспомогательным глаголом **ине**.

В семантическом плане неспрягаемая форма выражает ирреальное желание или мечту говорящего субъекта совершить какое-либо действие в будущем. Например: *Эй-й, йәһәтерәк үсәргә, зурайырға ине!* –тип ярһый Емештең күңеле. Тизерәк уҡырға, купте белергә ине (З.Бишшева). В значение желания форма не изменяется по лицам и числам. Если **-ырға/-ерға ине** имеет окончание лица, то передается значение намерения.

Таким образом, данная безличная форма оптативной модальности, как и предыдущая, грамматически не соотнесена с лицом, но чаще всего выражает желание говорящего субъекта, исходящее от 1 лица единственного числа. Неспрягаемая и несклоняемая форма принимает аффиксы залога, которые располагаются между основой глагола и аффиксом инфинитива: *кейенергә ине* «одеваться бы», *кейзертергә ине* «заставить бы одеться».

Отрицательная форма данной конструкции образуется при помощи аффикса *-мәшкә/-мәшкә*, однако, в башкирском литературном языке и в его диалектах она употребляется весьма редко.

Присущая только разговорной речи, устаревшая глагольная форма с архаичным аффиксом *-ғыры/-гере*, *-кыры/-кере* обозначает зложелание, проклятие: *дәмәккәре* «да подохни ты», *ер йоткоро* «пусть провалится сквозь землю». Форма также употребляется для выражения радости, доброго пожелания: *йәнәң йәннәттә булғыр* «будь счастлив, живи как в раю», *рәхмәт яугыры*, *рәхмәт төшкәре* «благодарность в форме пожелания добра». Как известно, отдельные слова типа *“шайтан алғыры”*, *“сукынғыры”* обозначают проклятие. Но эти глаголы, переходя в состав междометий, употребляются для выражения удовлетворения, восхищения. Например: *Шайтан алғыры, без был өйгә сыкканда, бер валсык кына ине бит, хәзер нисек матурланып үсеп китте бит ул... – тип куя* (Д.Юлтый).

Аффикс *-ма/-мә* присоединяется к основе глагола перед окончанием *-ғыры/-гере*. Данная форма выражает противоположное значение, то есть благожелание в отрицательной форме выражает зложелание, проклятие, а зложелание в отрицательной форме имеет значение доброго пожелания, восхищения. Например: *Асылбиә: Ай, хозай һукмағырҙар, килеп тә еткәндәр* (М.Буранғолов).

Еще одна синтетическая форма оптативной модальности образуется при помощи архаичного аффикса *-ғай/-гәй*. Во многих тюркских языках, например, ногайском, карайском, алтайском, шорском, каракалпакском, аффикс известен как основное грамматическое средство выражения формы желательного наклонения. В древнетюркских памятниках аффикс *-ғай* зафиксирован как показатель будущего времени изъявительного наклонения. С XIII–XV вв. данный аффикс выражает форму прошедшего времени данного наклонения²³. В значении желания форма сохранилась с показателем глагольного отрицания *-ма*.

В современном языке форма на *-мағай/-мәғәй* выражает следующие семантические оттенки: предостережение от совершения действия, боязнь, нежелательность совершения действия, сомнение, опасение. Кроме этих основных значений, форма выражает активное безразличие говорящего к совершению действия: *һине юллап кына йөрөйһә калғайны, кемгә караған бар. Миңә тимағәйе, бәтәнләй китеп олак...* (Б.Ноғоманов). Глаголы в данном значении часто употребляются в сакмарском и среднем говорах южного диалекта.

Следует отметить, что глагол на *-мағай/-мәғәй* изменяется по лицам и числам, хотя в литературном языке, в том числе в разговорной речи башкирского языка, спрягаемые формы встречаются весьма редко. Такие спрягаемые формы глагола могут координировать с подлежащим, выраженным существ-

²³ Башкорт әзеби теленең тарихы. – Өфө: Башкортостан “Китап” нәшриәте, 1993. – 17-се бит.

вительным или местоимением: *Синтетик нәмәлар кейеп, синтетик азыктар ашап, үзбөз зә синтетикаға әйләнеп китмәғайбөз* (Ф.Хөсәйенов).

В целом, грамматические особенности глаголов желательного наклонения и глаголов, выражающих значение желания, весьма многообразны. Каждая форма отличается морфологическими и семантическими особенностями. Однако, все формы в той или иной степени связаны между собой и имеют общие функционально-семантические черты.

Третий раздел II главы посвящен анализу безглагольных предложений с оттенком желания. Действительно, в башкирском языке немало высказываний, не воспроизводящих структурных схем предложений. К их числу относятся приветствие, благодарность, просьба, волеизъявление, эмоция. Например, в разговорной речи широко употребляются безглагольные предложения, выражающие различные оттенки желания. Словосочетания *Тыныс йоко!* «Спокойной ночи!»; *Тыуған көнөң менән!* «С Днем рождения!»; *Хәйерле иртә!* «Доброе утро!»; *Хәйерле юл!* «Счастливого пути!»; *Хәйерле сәғәттә!* «В добрый час!»; *Төклә аяғың менән! Еңел аяғың менән! Нотло аяғың менән!* «В добрый час!» выражают положительные эмоции говорящего. Они вошли в состав устойчивых словосочетаний.

Безглагольные предложения встречаются в лозунгах, в содержании которых отражаются добрые пожелания: *Йортоғозға – ырыс һәм бәхет!*

Различные оттенки оптативной модальности без глагола следствия выражаются при помощи отдельных модальных частиц: *Их, кайза үземдең йәншишмә һыукайзарым!* (М.Әбсәләмов). *Ниңә мин дә ошо хуш есле, йәшел япрак остоктарының бөрөһе тугелмен икән, исмаһам...* (З.Биишева).

К лексическим способам выражения оптативной модальности можно отнести определенные слова. Например, заимствование из арабского языка *ләғнәт* «проклятие», употребляясь в безглагольных предложениях, обозначает проклятие: *Ләғнәт, ләғнәт канлы кулдарыңа!* // *Ләғнәт, ләғнәт кара йөрөгәңә* (М.Нәрим).

Таким образом, можно констатировать, что в современном башкирском языке существует не только морфологическая форма желательного наклонения. В особых контекстуальных условиях безглагольные предложения, а также глаголы того или иного наклонения, приобретая переносное значение, выражают модальное значение желательности. Каждая из них передает различные оттенки желания: желание говорящего, сильное желание, мечтание, решимость, реальное или ирреальное желания, добрые пожелания, проклятие, зложелание и т.д.

Третья глава исследования посвящена анализу и описанию синтаксических особенностей глаголов желательного наклонения и глаголов, выражающих значение желания в современном башкирском языке. Глагол являет-

ся главным структурным компонентом в предложении. Поэтому наклонение глагола исследуется и изучается только на синтаксическом уровне.

В параграфе «**Синтаксические особенности глаголов желательного наклонения**» описываются синтаксические функции синтетической формы желательного наклонения на **-ай/-эй**.

Форма желательного наклонения на **-ай/-эй**, имеющая окончание 1-го лица единственного и множественного числа, используется в односоставных определенно-личных предложениях. Например: *Узган егерме биш йылдың йәннәт булган кәндәрен генә хәтергә алайык бөгән* (М.Кәрим). Однако, форма встречается и в двусоставных предложениях: *Мин һинә беззән халыктың кунаксыллыгы һәм намыслылыгы тураһында бер вакиға һәйләйем әле* (С.Агиш).

Форма на **-ай/-эй**, в сочетании с последогом *тип*, является обстоятельством цели или причины: *Баяннан бирле тел осонда әйләнгән, әммә күңелен китмәйем тип бирә алмай йөрөгән һорауын ыскындырғанын һизмәй зә калды Тәңребикә* (М.Әбсәләмов).

В сложных предложениях глагол желательного наклонения является сказуемым главного предложения: *Туктағыз әле, мин бер һүз әйтәйем: бер сәхрәгә сыккан төслө, "Ыласын" тап буйын шыңғыратып, Таңһылыу көйөн йырлап кайтығыз* (М.Буранғолов).

Данная форма выступает в функции сказуемого в сложноподчиненных предложениях, в том числе – в функции сказуемого в придаточном предложении времени. В качестве сказуемого придаточного времени, преимущественно, выступает с последогом *тип*: *Үләнгә бай ергә туктап, малын ашатып, йылғанан һыу эсереп, аз ғына ял алып, инде күзгәлайым тип торһа, ун ике һыбай кыззар менән егеттәр килеп етеп, уның (Таңдысаның) алдына баһалар ("Һуңыр буга" эпосынан)*. В сочетании с глаголом условного наклонения – сказуемое придаточного причины. *Милләттә, халыкты һаклайык тиһәк, безгә укырға кәрәк, аңлайһыңмы?* (Н. Ғәйетбай).

Данная конструкция широко используется и в сложных синтаксических конструкциях, особенно в периодах, являясь одним из однородных сказуемых.

Как известно, 1-ое лицо желательного наклонения во множественном числе обозначает желание говорящего совместно совершить действие, его призыв к совместному выполнению и активно употребляется в официальных призывах. Именно вышеперечисленные свойства позволяют употреблять данную форму в побудительно-восклицательных предложениях: *Бергә булайык, ғилем эстәп, уңыштарға кыуанышып бәхетле ғүмер итәйек!* (Ватандаш). Вопросительная частица **-мы/-ме**, в свою очередь, способствует образованию вопросительных предложений.

Во втором разделе главы рассматриваются синтаксические особенности глаголов, выражающие значение желания.

Как известно, в современном башкирском языке глаголы условного наклонения в побудительных или восклицательных предложениях выражают различные оттенки желания. В побудительных предложениях, выражая оптимистическую модальность, глагол выступает в роли сказуемого как простого, так и сложноподчиненного предложений. *Их, майы ла булһа шунда әзерәк кәлжемәғә, телеңде йотор инең!* (Б.Ноғоманов).

Форма на **-һа/(-һә) + сы (сә)** в роли сказуемого встречается в различных односоставных предложениях: неопределенно-личных, определенно-личных, обобщенно-личных: *Эй-й, ғүмер тигәңең... Бер генә секундка булһа ла тукталһа, артына боролоп караһасы.* (Т.Ғарипова).

Данная форма употребляется в двусоставных предложениях: *Хыялдар кире әйләнеп кайтһасы? Балалык донъяһы юғалмаған булһасы?* (Ф.Ахбулатова).

Форма условного наклонения и вспомогательный глагол *ине (икән)*, выражая значение желания, употребляется в простых односоставных, а именно, в определенно-личных предложениях в качестве сказуемого: *Эй-й, шундай кешеләр менән мәңгә лә осрашмаһаң, ундайзарҙы белмәһаң ине* (З.Бейешева).

Форма также может являться обстоятельством условия простых двусоставных предложений: *Эй, һандуғас булһам, көнө-төнө // Алһыҙ-ялһыҙ һайрар инем мин* (Н.Кинйәбулатова).

Аналитическое сочетание, образованное по типу **-һа/һә + ине (икән)**, принимая аффиксы 2-го лица, выполняет функцию сказуемого обобщенно-личных предложений. *Үбеп алһаң ине лә бит кызарып бешкән еләктай бит остарын!* (Б.Ноғоманов). Данная конструкция в 3-м лице выступает сказуемым односоставных неопределенно-личных предложений: *Их, уның ошо һәйбәт сифаттарын дейәм эшкә, аңлы тормошқа ылықтырып булһа ине* (З.Бейешева).

В двусоставных предложениях подлежащее и сказуемое согласуются в лице и числе: *Йөрәктәребезҙе һаклай, үз йөрәктәребезҙе яраплатмай, кеше йөрәктәрен яралашмай, тынысыраҡ йәшәй алһаң икән барыбыҙ за* (Ғ.Хөсәйенов).

Форма на **-һа/һә ине (икән)** в сложноподчиненных конструкциях выполняет функцию сказуемого придаточной части. *Хәмәтдине шунда һирәк кенә булһа ла яратып, әҙәмсә өндәшһә, иркәләһә икән, уйлар инеме ни инде ул аллә кайзағы Әмерикты!* (Р.Байымов).

Сложная аналитическая конструкция глагола типа *уқыһа ярар ине, укымаһа ярар ине* активно выступает в роли сказуемого односоставных и двусоставных предложений. В составе сложных предложений часто употребляется с союзом *тип* и является сказуемым дополнительного придаточного предложения аналитического типа: *Ырыу йөзөнә кара якмаһалар ярар ине, тип борсолам* (М.Буранғолов).

Данная форма наиболее активна в разговорно-бытовой речи, в диалогах. В лингвистической литературе такие короткие предложения определяются термином «слова-предложения»: *Хәйерлеге булһа ярай за!* (Ә.Хәкимов).

В современном башкирском языке желательное значение предложения обеспечивается глаголом повелительного наклонения в самостоятельном употреблении или в сочетании со вспомогательным глаголом *ине*. 2-ое лицо выражает обобщенно-личное значение, включающее самого говорящего. Данная семантика является причиной употребления формы в составе обобщенно-личных предложений: *Тормошка колак һал, бәтәһен үз күҙең менән күр, кешеләрҙән фәһем ал, ләкин уларҙы бары тик йәрәгән күшкәнсы нарыҡла...* (Ә.Хәкимов).

В значениях благожелания и зложелания форма довольно часто выступает в роли однородных сказуемых: *Юғары кластарға еткәнсе, яртыһының умыртка бағанаһы кыйшайһын, аркалары көмөрәйһен, күҙҙәре насарланһын* (М.Изелбаев).

Глаголы повелительного наклонения в сочетании с послелогом *тип* употребляются в качестве сказуемого придаточного предложения цели: *Безең яҙыу кафыр кулына эләкмәһен, эләккән хәлдә лә мәсхәрә ителмәһен тип, нәк шундай эшкә ебәрҙеләр бит мине* (М.Изелбаев).

Форма также широко используется в сложных синтаксических конструкциях–периодах: *Нар, нар, нардуған // Барың бәхетле булһын // Яңы йылы көт булһын // Теләге кабул булһын // Нардуғаным, нар булһын –// Эсе тулы нур булһын!*

Безличная конструкция на *-һын/-һен ине* употребляется в роли сказуемого обобщенно-личных предложений. Окончание 2-го лица означает совершение действия всеми лицами: *Их, ошондай бүрәнәнән йорт һалып ебәр инең дә карағай есәнә исереп ят инең!* (З.Ураксин).

Форма также активно используется в двусоставных предложениях: *Тик йән-тәнебез, йөрәгебез, күңелдәребез синтетик туҡымаға, яһалмаға әйләнә күрмәһен ине* (Ғ.Хөсәйенов). В сложноподчиненных предложениях форма на *-һын/-һен ине* выполняет функцию сказуемого придаточного условия. Здесь придаточное предложение выражает желание ирреального характера. Предложение может быть и двусоставным, и односоставным: *Булһын ине ошонда бер тәрән күл, төбөнә генә төшөр за ятыр ине* (Р.Солтанғарәев).

Аналитическая конструкция, образованная путем сочетания глагола на *-ыр/-ер* со вспомогательным глаголом *ине*, вне зависимости от условного наклонения, выражает значение желания, мечты говорящего. Поэтому она употребляется в функции самостоятельного сказуемого простого предложения. Форма, имеющая аффиксы 1-го и 2-го лица, является сказуемым односоставного определенно-личного или двусоставного предложений. Например: *Башымды һинең күкрәгеңә бер генә тапкыр терәр өсөн мин айзан*

йығылып төшөргә лә риза булып инем... (З.Биишева). *Байгилде мырза, исмаһам мине берәй бабайға булһа ла биреп китер инең* (З.Биишева). Форма 3-го лица данной формы функционирует в качестве сказуемого обобщенно-личных предложений: *Ирәндек итәгендәге кылғанлыкта туйғансы ауналыр, Аугүлдә тән күгәрәп каткансы һыу инелер ине* (М. Изелбаев).

Характерной синтаксической особенностью форм сослагательного наклонения является употребление их в составе сложноподчиненного предложения в функции сказуемого главного предложения. Для передачи различных оттенков оптативной модальности сложное предложение произносится с особой восклицательной интонацией и употребляется, как и предыдущие аналитические формы оптатива, с различными модальными словами. Например: *Их, һин, зәңгәр күҙлә исемһез кыз! Яҡын булһаң, эргәңә хәҙер осоп барып етеп, күҙҙәреңә, нур бөркөп торған ыуыҙҙай саф, ак йөҙөңә бер генә карар инем!* (Н.Мусин).

Среди способов, передающих значение оптативной модальности в современном башкирском языке, значительное место занимает конструкция, состоящая из основы глагола на *-ғы/-ге* или *-асы/-әсе* и вспомогательного глагола *кил*. Синтаксические функции данных аналитических конструкций разнообразны. Они активно употребляются в двусоставных и односоставных предложениях в функции сказуемого. Форма на *-ғы/-ге кил* без аффиксов принадлежности выступает в качестве сказуемого безличных предложений: *Юк, булмай, шайтан алғыры, шүрәлә кытыклаймы ни, донъяны аңғыраткансы келгә килә* (Ф.Акбулатова). Данная форма, имея аффиксы 1-го лица, является сказуемым односоставного определенно-личного предложения; форма 2-го лица глагола, употребляясь без подлежащего, входит в состав обобщенно-личных предложений: *Кешеләргә үзең тураһында ла низер әйткән, күнелдәген уртаклашкың килә* (Ф.Хөсәйенов).

Аналитическая конструкция *ғы/-ге кил* имеет все формы сослагательного и условного наклонений и, в свою очередь, является главным структурным компонентом сложноподчиненных предложений.

Данная форма, имеющая формообразующие аффиксы глаголов, выполняет функции подлежащего или второстепенных членов предложений. Например: *Ошо комһозлоғо, байбисә булғыһы килеүе генә боза шул уны...* (З.Бейешева). *Уның был вакиға хақында һүз күзғаткыһы килмәгәнә бар кыланышына язылғайны* (Ә.Әминев).

Модальная конструкция выступает в роли однородных сказуемых. В художественной литературе в составе однородных сказуемых довольно часто встречается параллельное употребление формы на *-асы/-әсе килә*. Как правило, в повествовательных предложениях вспомогательный глагол *килә* употребляется при последнем компоненте: *Уның был шайтан элмәгенә әйләнгән донъянан ысқынаһы, икенсе тормошка оскоһо килде* (Т.Ғарипова). В поэтических произведениях, с целью усиления эмоциональ-

ности, вспомогательный глагол употребляется в начале предложения или присоединяется к каждому однородному сказуемому.

Значение оптативной модальности передается безличной формой глагола на *-аһы/-әһе*, а также аналитической конструкцией, образованной сочетанием данного деепричастия и вспомогательного глагола *ине*. Именно безличность определяет свойственную ей синтаксическую функцию. Она чаще всего употребляется в односоставных безличных предложениях в роли сказуемого. Например: *Шул эшенә бер зә күңеләм ышанмай. Бер күрәп һөйләшәһе ине...* (Ж.Кейекбаев). В сочетании с предлогом *-ла/-лә* аналитическая форма глагола на *-аһы/-әһе ине* является сказуемым придаточного уступительного: *Ошондай байрамды зурлап колхозда үткәрәһе ине лә бит, кәңгелдәк кенә шул әлә хужалығыбыз* (Б.Ноғоманов). Данная форма, хотя и редко, употребляется в сложносочиненных предложениях: *Уларҙы тәмин итеү өсөн аз ағас кәрәкмәй, эштәрҙе йәһәтерәк башлап ебәрәһе ине* (Н.Мусин).

Если модальная конструкция на *-аһы/-әһе ине* употребляется в начале предложения, то выделяется запятой и выполняет роль добавочных элементов. Такие вводные слова выражают иронию говорящего: *Күрәһе ине, имеш, ике ушлаптай егет бала карап ултыралар, ти* (Һ.Дәүләтшина).

Примеры демонстрируют, что безличная форма глагола на *-аһы/-әһе ине*, *-аһы/-әһе икән* употребляется только в безличных предложениях, которые могут быть простыми и сложными.

Составное сказуемое, состоящее из инфинитива и вспомогательного глагола *ине*, выражает необходимое желание совершить или не совершить какое-либо действие. Для выражения данной семантики глагольная форма на *-ырға/-ергә ине* употребляется с различными модальными словами и междометиями. Поэтому, она встречается только в побудительных и восклицательных односоставных инфинитивно-модальных предложениях: *Их, ошоларҙың бөтәһен дә белергә, дошмандың яуыз ниәтен асырға ине...* (З.Бишшева).

Архаичная форма глагола с окончанием *-ғыры/-гере* отличается широкими синтаксическими возможностями. Глагол, прежде всего, употребляется в роли сказуемого. Переходя в имена существительные, он выполняет функцию подлежащего, дополнения, определения. Данная форма глагола также активно употребляется для передачи отношения говорящего к высказываемой мысли, являясь вводным словом или обращением. Например, функция дополнения: *Кайтырмын, әсәй, еңербез шул кәһәр һүккандарҙы!* (Б.Ноғоманов); функция определения: *Кәзерле улым, Павел Петрович, ләғнәт төшкөрө яуыздар һиңә лә яманлык эшләмәһәләр ярар ине* (Я.Хамматов); функция вводного слова: *Уй, шайтан алғыры, Һызыклы тамашанан мәхрүм булғанмын,—тип Лепехин кул һелтәне.* (Я.Хамматов).

Другой отличительной чертой данной формы является активное употребление в составе вокативных предложений: Кәһәр һуккыр! Ләһнәт, йылмаяк, мәстән, ер йоткор! (Ж.Нәйекбаев). Глагол с окончанием **-зыры/-гере** чаще всего обуславливает восклицательную интонацию предложения, так как ему характерна высокая экспрессивность.

Синтетическая форма глагола с окончанием **-зайы/-зәйе**, в основном, употребляется в 3-м лице единственного или множественного числа. Поэтому она является сказуемым односоставного неопределенно-личного предложения: Әйткәнәң үкенмәгәйе әле. Донъяныкы донъялыкта кайтмағайы (М.Кәрим).

Хотя в современном башкирском языке форму на **-зайы/-зәйе** относят к безличным глаголам, она может иметь аффиксы 1-го и 2-го лица. При этом сказуемое употребляется с подлежащим, выраженным именем существительным или местоимением, в двусоставных предложениях: Синтетик намәләр кейеп, синтетик азыктар ашап, үзәбез ҙә синтетикаға әйләһәп китмәгәйебез (Ф.Хәсәйенов).

Глагольная форма **-зайы/-зәйе** в сложных предложениях является сказуемым придаточного причины: Фәүзиәһең генә йәрәк урынында түгел: күрше тирәһең мал-тыуарын зыянлап куймағайы (Т.Ғарипова).

Таким образом, можно констатировать, что глаголы желательного наклонения и глаголы, выражающие значение желания, являются главным структурным компонентом в составе всех типов предложений. Однако, наиболее употребительны глаголы желательного наклонения в побудительных и восклицательных предложениях. Побудительные предложения содержат в себе побуждение, желание, призыв к действию, чувство и произносятся с особой, восклицательной интонацией. Поэтому часто побудительная цель высказывания и восклицательная интонация достигаются использованием именно глаголов желательного наклонения. Следует отметить, что в составе таких предложений употребляются различные модальные слова, которые способствуют усилению экспрессивности и выражению различных оттенков желания.

Глаголы, выражающие оптативную модальность, активно употребляются в составе всех типов предложений: односоставных, двусоставных, сложных предложений, сложных синтаксических конструкций и т.д. Безличные формы глагола активно используются в простых и сложных односоставных предложениях.

Главная синтаксическая функция глаголов всех наклонений, в том числе и желательного, – функция сказуемого. Отдельные формы оптативной модальности, в зависимости от места в предложении, могут стать второстепенными членами.

В заключении излагаются выводы исследования, формулируются основные теоретические и практические итоги диссертационного исследования.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

А. Публикация в изданиях, рекомендованных перечнем ВАК РФ:

1. Ганеева, Г.Г. Контекстуальное желательное наклонение в современном башкирском языке / Г.Г. Ганеева // Вестник Башкирского университета. – 2008. Том 13. № 4. – С. 1026-1028.

Б. Публикации в других научных изданиях:

2. Ганеева, Г.Г. Употребление желательных наклонений в романе “Учитель” М.Абсалямова / Г.Г. Ганеева // Актуальные проблемы башкирского, тюркского и сопоставительного языкознания: Сборник научных статей. К 70-летию М.В.Зайнуллина. – Уфа: РИО БашГУ, 2005. – С. 284-286. (на башк. яз.).
3. Ганеева, Г.Г. Форма желательного наклонения типа *барғы килә, килгә килә* / Г.Г. Ганеева // Язык и литература в поликультурном пространстве: Материалы региональной научно-практической конференции. – Бирск, 2005. – С.199-201. (на башк. яз.).
4. Ганеева, Г.Г. Синтетическая форма желательного наклонения на *-йым/-йем, -йың/-йык (әле)* / Г.Г. Ганеева // Актуальные проблемы башкирской филологии: Материалы региональной научно-практической конференции, посвященной 10-летию башкирского отделения БирГСПА. – Бирск: Бирск. гос. соц.-пед.акад., 2006. – С.47-50. (на башк. яз.).
5. Ганеева, Г.Г. Семантика желания в формах повелительного наклонения / Г.Г. Ганеева // Профессор Дж.Г.Киекбаев и проблемы современной тюркологии: Материалы Всероссийской научной конференции. – Уфа: РИО БашГУ, 2006. – С. 296-299. (на башк. яз.).
6. Ганеева, Г.Г. Форма желательного наклонения на *-һасы/-һәсе* / Г.Г. Ганеева // Язык и литература в поликультурном пространстве. Материалы региональной научно-практической конференции. Выпуск 3. – Бирск: Бирск. гос. соц.-пед. акад., 2006. – С. 16-18. (на башк. яз.).
7. Ганеева, Г.Г. Аналитическая форма желательного наклонения *-һа/-һә ине (икән)* / Г.Г. Ганеева // Башкирская духовная культура древности и средневековья: проблемы изучения. Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 70-летию профессора, доктора филологических наук, члена-корреспондента АН РБ Р.Н.Баимова. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2007. – С. 317-320. (на башк. яз.).
8. Ганеева, Г.Г. Неличная форма желательного наклонения на *-мағайы/-мәғәйе* / Г.Г. Ганеева // Язык и литература в поликультурном пространстве: Материалы региональной научно-практической конференции. Выпуск 4. – Бирск: Бирск. гос. соц.-пед. акад., 2007. – С. 14-16. (на башк. яз.).

9. Ганеева, Г.Г. Семантика желания в формах изъявительного наклонения / Г.Г. Ганеева // Актуальные проблемы башкирского теоретического языкознания: Сборник материалов республиканского методологического семинара. – г. Стерлитамак, 2009. – С. 55-60. (на башк. яз.).
10. Ганеева, Г.Г. Безличная форма желания на -ырга /-ергә ине / Г.Г. Ганеева // Язык и литература в поликультурном пространстве: Материалы Международной научно-практической конференции. Выпуск 5. – Бирск: Бирск. гос. соц.-пед. акад., 2009. – С. 21-22. (на башк. яз.).
11. Ганеева, Г.Г. Изучение семантических особенностей глаголов желательного наклонения в школе / Г.Г. Ганеева // Преподавание родных языков и литератур в образовательных учреждениях Республики Башкортостан: Материалы региональной научно-практической конференции, посвященной 70-летию БирГСПА. – г. Бирск, 2009. – С. 157-161. (на башк. яз.).
12. Ганеева, Г.Г. Значение желания в безглагольных предложениях / Г.Г. Ганеева // Проблемы башкирского, тюркского и сопоставительного языкознания в свете традиционных и новейших направлений в лингвистике: Сборник научных статей/ отв. ред. М.В.Зайнуллин. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2009. – С. 110-113. (на башк. яз.).
13. Ганеева, Г.Г. Добрые пожелания при реализации коммуникативной цели на уроках башкирского языка / Г.Г. Ганеева // Преподавание родных языков в образовательных учреждениях Республики Башкортостан: Материалы региональной научно-практической конференции: Материалы круглого стола. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2009. – С. 123-126. (на башк. яз.).

Ганеева Галия Галияновна

Желательное наклонение в современном башкирском языке

Специальность 10.02.02 – Языки народов
Российской Федерации
(башкирский язык)

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Подписано в печать 04.05.2010 г.
Гарнитура «Times». Печать на ризографе с оригинала.
Формат 60х84/16. Усл.-печ.л. 1,45. Уч.- изд.л. 1, 30.
Бумага писчая. Тираж 100 экз. Заказ № 53.

Редакционно-издательский центр
Бирской государственной социально-педагогической академии
452450, РБ г.Бирск, ул. Интернациональная, 10
Отдел множительной техники БирГСПА

